

ограничитель, т. е. легальное насилие над ним со стороны общества, которое он вынужден терпеть, поскольку нуждается в социуме. Вопрос о насильственности образования можно поставить аналогичным образом: образование будет восприниматься как насилие до тех пор, пока сами получающие образование не увидят стоящие за стандартом образованности ценности и не включат их в свой набор ценностных ориентаций.

Проблема в том, что фундаментальная ценность имеющегося в обществе стандарта образованности слишком неочевидна. Любой учащийся может задать простой вопрос: "Почему общество будет воспринимать меня как нормального человека только в том случае, если я буду знать таблицу умножения или законы Ньютона?". Сможет ли учитель ответить на этот вопрос? Вместо аксиологического анализа общество предлагает различные способы оправдания насильственности образования, например, ряд стереотипных суж-

дений о невозможности "добиться в жизни хоть чего-то" без образования в целом. Ценность же каждого отдельного компонента стандарта образованности остается по сути недоступной для восприятия тех, кто образование получает.

В результате получается, что человеку навязывается набор знаний и навыков, ценность которых он не видит. Таким образом, норма образованности становится еще одним довлеющим над человеком правилом, а образование превращается в насилие.

Но возможно ли способствовать "прививанию" ценности образования учащимся? Имеем ли мы в случае реализации этой возможности дело с нейтрализацией насильственного компонента образования, или же вновь совершаем процедуру оправдания этого компонента? Эти и многие другие вопросы могут стать перспективной темой исследования в рамках философии образования.

Надійшла до редколегії 01.02.12

Н. З. Гаевская, асп., Русская христианская гуманитарная академия

КОД ЮРОДИВОГО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В данном докладе будет раскрыта проблема культурного кода юродства. Метод работы – историко-философский. Сфера применения этого метода расширена до междисциплинарного синтеза. Историко-философский метод позволяет определить юродство как подвиг христианского подвижника, акцентируя внимание на коммуникации с окружающими, взаимном восприятии и сопереживании.

Объектом исследования является коммуникативный процесс. Предметом исследования – культурный код.

Юродство – культурный и религиозный феномен социальной действительности, проявляющийся в определенных паттернах поведения и свойствах личности. Стяжание Духа Святого в мнимом безумии. Юродивые во Христе – социальный топос, вид служения. Особое явление в чине христианских подвижников, имеющее свои истоки в до-христианских формах и обязанное своим существованием эволюции религиозного опыта. Опыт подвига юродивого фиксируется в культурном коде. Активизация кода происходит в коммуникации, в пространстве отношений сопереживания и со-причастия.

Юродство предусматривает наивысшее смирение, отказ от социальных связей. Самые события этого периода жизни подвижника связаны с преодолением испытаний аскезой и отречением от мирских ценностей. Коммуникативное пространство вокруг героя сжимается и искажается, устанавливая одностороннюю связь. Герой устранивается от контактов или отношений, провоцируя окружающих, вызывая реакцию, взрыв, скандал. Провокация тем сильнее, чем слабее коммуникация. Окружающие пытаются взорвать одиночество, в диалоговом окне установить связь и разгадать тайну посланий юродивых.

Основное в характере коммуникации с юродствующим – это унижение и поношение. Какова же цель такого отношения? Люди не верят юроду. Безумие, истинное или мнимое, одинаково страшит. При приближении к сакральному человек настрожен, готов к защите. Причина реакции окружающих – страх перед неизвестным, перед лицом-носителем неведомой силы, соединяющей обыденное и непредсказуемое. Последующие этапы коммуникации проявляют в отношениях стереотипы и механизмы социального функционирования. И если сакральное подвергает человека испытанию, то повседневное предлагает ему известные поведенческие схемы.

Одной из целей коммуникации становится уличение юродивого. Уличить значит понять, принять и поверить в

подвиг, если истинность его будет доказана. Уличение становится одним из основных способов установления отношений юродивого с миром – механизмом взаимодействия, основной функцией которого является социальное нормирование. Оно действует на всем пути подвижника, от принятия подвига в тайне до его легитимизации – гласного и прилюдного поименование иерархиями церкви. В ходе коммуникации наблюдается поведенческая аффективность субъектов коммуникации, направленная на провокацию скандала. На грани аффекта в процессе уличения человек открывается, проявляя вытесненные глубинные переживания. Унижение и поношение в процессе уличения создают предельно высокий эмоциональный фон. В эмоциональном пространстве аффекта и надрыва формируются предпосылки к возникновению импринтинга и пробуждению архетипической памяти. Уличение – это поведенческий прием, целью которого является доказательство ложности, обманности поведения субъекта коммуникации. Смыслом уличения является прояснение роли, попытка снятия масок через доказательство их неискренности, ложности.

Юродство освобождает человека от тисков невыносимой реальности, от необходимости жить по лжи. Ложь и правда, являясь полярными понятиями, задают анти-тетичность дискурса. Окружающие, желая прервать мучительную антитезу, стремятся к Встрече. Встреча – это всегда со-бытие, в основе которого со-творчество, ведущее к очищению души через со-чувствование с ближним. Встреча неуязвима в радости творчества, она творит память души человеческой. Так рождается пространство ценностей, которое закрепляется в кодах культурной памяти. Ряд аффективных переживаний подводит участников коммуникации к границе восприятия, аффект открывает трансцендентное. В этом состоянии верующий обращается к Богу, ищет встречи с ним, возможно, защиты или указания. "И уже не я живу, а живет во мне Христос", – говорил Апостол Павел. Встреча проявляет отношения человека и Бога, пред-рефлексивные, не-интенциональные, предельно обнаженные. Раскрытие Встречи совершается в коммуникации на пограничном уровне мучительного преодоления греха.

Современного человека вне Бога охватывает отчаяние. Состояние это либо скрыто, либо не осознано нами. Тогда как юродивые провидят на грани профанного и сакрального. Находясь в парадигме христианского сознания, можно определить смысл провидения

как откровение о грехе отчаяния, путях спасения души и обретения вечной жизни. Грех приближает человека к смерти. Спасением в этой трагической ситуации является выход за границу повседневного, переживание экзистенциального пограничного состояния. Религиозное подвижничество и аскетический подвиг дают опыт преодоления отчаяния. Пограничное состояние открывает пространство культурных смыслов. В столкновении защитной реакции и глубинной тяги к тайне сакрального возникают из небытия архетипической памяти первичные механизмы восприятия. Истина определяется на грани жизни и смерти. Древние архетипические механизмы кодируют коммуникацию, прерывая невротическое движение по кругу бессобытийности. Встреча с юродивым, человеком, умершим для мира реального, является такой коммуникацией.

Смерть – важный элемент в структуре подвига юродства. Юродивый умирает для мира, он – странник в мире ином. Вследствие разрыва прежнего онтологического уровня подвижник приобретает силу и сверхдолжные способности. Но одновременно воспринимается как табуированная фигура. Будучи связанным с потусторонним, соединяется в архетипическом сознании с образом мертвеца, что так страшит окружающих. Контакт с ним может привести к роковым последствиям. Подвижник становится самовольным мертвецом, добровольно умирающим в духовных подвигах.

Смерть необходима в той мере, в какой она скрывает повседневное в человеке, обнаруживая нечто иное. Она появляется рядом с юродом в момент знакового, указующего события, от стихийных сил до несчастья в доме и семье. В те дни и часы, когда человек в пограничной ситуации предельной опасности смотрит в лицо смерти, главную опору он находит в самой пограничности, в Вере.

В реакции сознания юродивого состояние смерти обращается и кодируется. И вот уже герой отказывается от имени, социального статуса, дома и семьи. Демонстрация мнимого безумия обрывает последние связи с окружающими. Смерть в повседневном, профанном для жизни в ином становится сутью подвига юродства. Возможная коммуникация предупреждается знаками опасности. Внешний вид юрода, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица, босоноготь, судорожное бормотание в сочетании с надрывным жестом говорят не просто о табуированности, но о смертности. "Носящие смерть" юроды – ритуальная фигура, через которую проявляется сакральное.

Впечатление от встречи с юродивым всегда связано с потрясением и тревогой. Эмоциональная память фиксирует страх как основную реакцию на контакт. Импринтинг связан с архаическим мышлением. Запечатленный образ управляет мышлением и определяет действия окружающих юродивого. Врожденные уродства или по-

веденческие отклонения являлись ранее причиной изгнания за племенную территорию, в места сакральных капищ и жертвенников. Обладая особой невротикой, человек становился ритуальной фигурой в культе мертвых, принимая на себя функцию изображения покойника, отвечая перед племенем за связь с душой умершего. Общение с ним становилось табуированным.

Архетип *salosa* – юрода один из старейших хранителей культурной информации. Ментальные связи активизируют дихотомию "жизнь/смерть", конституируют взаимобратность кода. Формируется модель поведения, основанная на приемах выживания. Смерть становится культурным кодом феномена юродства.

Подвиг юродства – одна из самых необычных и противоречивых форм подвижничества. Это наивысшее смирение, отказ от социальных связей и отношений, аскетизм, преодоление гордыни. Главное на юродском пути – откровение людям о нем и признание подвига. Сила Благодати Божьей открывает миру дары подвижника. В даре прозрения юродивым уличает нас в грехах наших, провидит тайное. Светом сердечным утешает страждущих, направляя и наставляя, улучая мгновение для встречи с душой человека. В любви Бога открывается человеку талант приятия и принятия. А человек принимающий уже по определению человек смиренный, находящийся в слушании и послушании. Истинное смирение, подкрепляемое терпением, творит новую реальность, становится путем спасения. Подвижник опытно познает сосредоточение ума на Богомыслии, и тогда память смертная помогает ему думать о последнем дне, подлинно умалиться в бесконечном усилии любви, обрести страх Божий. В смирении став малой частицей перед лицом Господа, вступить на спасительную дорогу к вечной жизни. В унижении искупить грехи, в покаянной сердечной молитве обрести Благодать Духа Святого.

Инстинкт смерти с одной стороны констатирует человеческие, беспросветно фатальные отношения, с другой стороны высвечивает экзистенцию надежды. Функция юродивого в обратимости кодированной информации и самого кода смерти. Благодать Божья позволяет подвижнику провидеть пути к вечной жизни. Для православного человека юродивый – подвижник, подвигом своим защищающий живущих, открывающий дорогу к спасению души.

Юродивый находится между жизнью и смертью, повседневным и сакральным. Суэта обыденного лишает нас идентичности в своем окружении, в связях и отношениях. Обретая Встречу с Богом и Божественным, мы вступаем в евхаристические отношения. Смерть для мира становится смиренной жертвой покаяния. Юродство во Христе кодифицируется как религиозный подвиг смирения и самоотвержения, культурный код которого определяется дихотомией "смерть / спасение".

Надійшла до редколегії 01.02.12

К. И. Заболотских, канд. филос. наук, доц., УГМА, Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ П. ЛАИНА ЭНТРАЛЬГО

Человек, его существование, жизненные перспективы, проблемы повседневной жизни всегда были и остаются актуальными. Особенно интересными представляются для современного человека ценности его индивидуальной жизни. В связи с расширяющимися границами современного мира, постоянным общением людей, важной оказывается и проблема одиночества человека, как противоположная тенденция. Этот вопрос рассматривается в каждой культуре по-разному, поэтому интересным будет обозначить особенности его постановки, которые предлагает испанская философия. Испанский философ, историк медицины Педро

Лаин Энтральго (1908–2001) пишет о проблеме человека, его смысложизненных перспективах. В таких работах, как: "Теория и реальность другого", "О дружбе", "Человеческое тело", он изучает проблему одиночества человека, предлагает пути ее решения.

Проблема человека, его положения в мире возникает у Лаина в связи с рассмотрением кризиса общества, в том числе и испанского в XX в. Во многом его идеи похожи на взгляды Х. Ортеги-и-Гассета, а также Э. Гуссерля. Ортега полагает, что человек среди других людей, всегда остается индивидом, но при этом его индивидуальность может приобретать характер одино-